

Марш времени

Почему все ниже и ниже падает Англия? В недавней речи по радио Герберта Моррисона, одного из виднейших государственных деятелей Англии, мы находим следующее признание: «В чем Британия испытывает ныне наибольший недостаток? Больше всего ей нехватает времени. Время действует против нас с еще большей быстротой, чем прохладит истощенные долларовой фонды... Мы сделали еще далеко не достаточно, и притом слишком медленными темпами. Если вы оглянетесь на пройденный путь, то убедитесь, что то же происходило и во время войны».

Время работает против капитализма и буржуазии!

Наше великое наступление в годы войны всякий раз изумляло человечество. Постоянно казалось, что мы совершаем невозможное: стремительно продвигаемся с пушками и иной техникой во вьюгу, по нехоженым глубоким следам, или с ходу мочим порывом тысяч воинов форсируем Днепр, или прорываемся на сотни километров вперед в дни жуткой распутицы, когда все вязнет на дорогах.

Значительно менее известны, скупо отражены в публицистике и в художественных произведениях подобные же поразительные темпы, подобные же подвиги в тылу. Немного, например, известна история Чебаркульского завода на Урале, построенного, оборудованного и пущенного в ход за полтора месяца — в феврале и марте 1942 года. Среди строителей долго потом жло выражение: «строить по-чебаркульски». Там, в Чебаркуле, приезжий человек увидит в одной стране: на красной кирпичной заводской трубе выложено сверху вниз белыми кирпичиками: «Запорожье». Казалось бы, причем здесь, среди лесов Урала, запорожцы? Но именно они, коллектив строителей, эвакуировавшихся из Запорожья, воздвигли за полтора месяца, в жестокие морозы, этот завод.

Таков лишь один из множества примеров. На востоке в годы Отечественной войны с изумительной быстротой возникли сотни новых заводов, в немалой доле перебазированных с индустриального юга. Фашистские варвары совершили много зла, причинив нам очень много горя, но для всех нас, кто боролся за победу, война началась новое, после двух пятелек, окаянное время. С этим новым умением и опытом, с этими новыми темпами советский человек вошел в послевоенную полосу созидания и восстановления. Те же за-

порожцы, построившие несколько заводов на востоке, теперь на своей родной площадке, на восстановлении «Запорожсташ», показывают темпы, каких не знавала еще ни одна стройка даже в годы войны.

Нынче всякому видно, какова была мудрость вождя народа генерального Сталина и Центрального Комитета партии, когда в решении по идеологическим вопросам была объявлена борьба против всяческой расслабленности после войны, была беспрепятственно развита все проявления идейной демобилизованности и еще выше поднято боевое знамя победоносных идей коммунизма.

Посмотрите теперь, во втором году новой пятилетки, на наши стройки, заводы, колхозы! Там ведут народ, возглавляют дело, задают тон неутомимые, страстные, вдохновенные люди — люди со взором, устремленным в будущее, в завтра, умеющие мечтать, сильно желать, приближать это завтра, ускорять время. Посмотрите, кого быт, отменяет наша жизнь! Обывателей, людей равнодушных, кого не вдохновили, не подвигли на борьбу, на творчество великие идеи социалистической страны, — быт в такой же степени обывателей от техники, как и от философии или от литературы.

Много лет назад Маяковский написал «Марш времени». Он восклицал: «Шагай, страна, быстрее моя». «Нагая, страна, скорей мой!» В этом стихотворении впервые увидели свет широко известные ныне слова: «Время, вперед!»

Теперь хочется вновь и вновь повторить эти слова Маяковского: «Время, вперед!» Каждый советский патриот может и должен именно так — словом и делом — ответить господину Труману, господину Маршаллу и другим служакам американского империализма, пытающимся нас запугать. Нет, пусть они сами бояться марша времени!

В двадцать две тысячи комсомольцев Ленинграда уже выполнили свои годовые нормы; пятьдесят шесть московских комсомольцев уже сдали свою трудовую норму за несколько дней. Вот пример и путь для каждого, кто хочет расцвета своей родины.

Время за нас! Мы, советские люди, сумели сделать его своим союзником. В этом одно из самых великих, одно из решающих достижений нашей страны. И мы с гордостью можем повторить слова Маяковского: Я знаю — город будет, я знаю — саду цветет, когда такие люди в стране в советской есть!

Мировые рекорды высоких урожаев

Какой самый высокий урожай зерна можно собрать с одного гектара? Отвечая на этот вопрос, кандидат сельскохозяйственных наук Маркел Степанович Самвицкий сообщил нам:

По данным академика Л. Н. Проничиной, в Италии был зарегистрирован мировой рекорд высокого урожая пшеницы — 579,5 пуда.

В США, как сообщает агробиолог Вильяме в книге «Перестройка сельского хозяйства», на отдельных небольших опытных участках было получено около 427 пудов пшеницы с гектара. Теоретически Вильяме считает возможным получить в США до 677 пудов пшеницы с гектара. Эти теоретические расчеты американского ученого перекрывают советской колхозной практикой. Колхозник Мащенко из Ямпольского района Винницкой области собрал на опытном поле хаты-лаборатории 682 пуда озимой пшеницы с одного гектара.

Высокие урожаи пшеницы, перекрывающие зарегистрированный мировой рекорд, в нашей стране не единичны. 676 пудов яровой пшеницы собрала с одного гектара зеньвеня алтайского колхоза «Политотдел» Сергеева. Такое же количество озимой пшеницы с одного гектара удалось собрать и мне.

Надо сказать, что в отличие от западных, рекордные урожаи собираются у нас не с маленьких делянок, а с площади от

одного до четырех гектаров. Они выращиваются в различных местах Советского Союза, в самых разнообразных климатических условиях.

Небывалых рекордов по выращиванию риса добились лауреаты Сталинской премии колхозники Кызыл-Ордынской области Ибрай Жахаев и Ким-Ман-Сан Жахаев на площади в 15 гектаров собрал по 1442 пуда риса с каждого гектара. Ким-Ман-Сан получил по 976 пудов риса с гектара, в то время как 350 пудов риса с одного гектара считается в этой области высоким урожаем.

Есть основание считать теоретически возможным получение урожая пшеницы в СССР до 900 пудов с гектара.

Забрав мировые рекорды высоких урожаев на отдельных участках, наши мастера социалистических полей добиваются высоких урожаев на больших площадях.

Так Герой Социалистического Труда зеньвеня колхоза им. Розы Люксембург Алтайского края, Ракин собрал в этом году на 8 гектарах по 305 пудов зерна. Колхозница Винницкой области Александр Олейник сняла с такой же площади по 251 пуд и с 2 га по 300 пудов пшеницы. Паша Мартыченко из колхоза им. Буденного на Кубани собрал с 18 гектаров по 272 пуда пшеницы.

Творческий труд советских людей на колхозных полях дает поразительные результаты.

Собрание писателей Карело-Финской ССР

ПЕТРОЗАВОДСК. Состоялось собрание писателей и литературного актива Карело-Финской республики. Доклад «Литература Карело-Финской ССР после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» сделал секретарь Союза писателей республики тов. Клименко.

Докладчик отметил, что за истекший год литературная жизнь в республике заметно оживилась, регулярно выпускается литературно-художественный и общественно-политический журнал «На рубеже». Ряды писателей пополнились 30 молодыми авторами.

На конкурс, проводимый в республике, поступило свыше 50 рассказов, очерков и стихотворений. 34 пьесы получили жюри конкурса на лучшую советскую пьесу.

Собрание наметило конкретные мероприятия для устранения недостатков в работе писателей.

Избран новый состав правления Союза. В работе собрания приняли участие председатель Совета Министров Карело-Финской ССР В. М. Виролайнен и секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Ю. В. Андриков.

Празднование юбилея Низами

БАКУ (От нашего спец. корреспондента). Радушно и тепло встретила столица Азербайджана многочисленных гостей, приехавших на юбилей Низами из различных республик Советского Союза и из-за границы. 22 сентября в зале Академии наук Азербайджанской ССР состоялось торжественное заседание Президиума Союза советских писателей СССР совместно с пленумом правления Союза советских писателей Азербайджана.

После вступительной речи А. Фадеева с докладом «Наследие Низами и наша современность» выступил председатель правления Союза советских писателей Азербайджана С. В. Вургун.

Силу романтизма Низами Вургун видит в органической связи поэта с реальной жизнью и борьбой народа. «Взоры великого поэта всегда были устремлены вперед. Даже тогда, когда он работал над историческими сюжетами. Как человек, Низами был сыном и гражданином своего времени, но как поэт и мыслитель он принадлежал к грядущим столетиям».

По окончании речи Вургун с приветствием от Союза советских писателей Грузии выступил Барамидзе.

Утреннее заседание 23 сентября началось с доклада Мефти Гусейнова «Пенеч человеческого счастья и любви». Докладчик характеризовал эпоху, в которую жил и творил Низами.

Большой интерес вызвал доклад П. Антокольского «Низами и советская культура». В лице Лермонтова, который учил азербайджанскому языку, и в лице Ахундова, рассказывавшего Лермонтову о сокровищах азербайджанских сказок, П. Антокольский видит пионеров братства и дружбы, нашедшей в условиях Советского государства полное развитие.

Тепло встретили участники заседания выступивших с приветствиями болгарского писателя Георгия Караславова и югославского писателя Иво Андрича. — Моя страна далека от вас по расстоянию, но близка по духу, — заявила Иво Андрич. — Наша связь с великим русским народом не нова. Она берет начало в далеком прошлом. В минувшей войне против немецкого фашизма югославские

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАЗЕТА

№ 41 (2356)

Суббота, 27 сентября 1947 г.

Цена 40 коп.

Торжество разума и справедливости

Дорогие товарищи! Правление Союза советских писателей СССР поручило мне передать братский привет писателям Азербайджана (аплодисменты) и в их лице всей интеллигенции, рабочим и колхозникам республики. (Аплодисменты).

Правление Союза советских писателей особенно просило меня не забыть передать братский привет рабочим людям Баку (аплодисменты), тому чудесному отряду рабочего класса, из которого выросли многие замечательные руководители нашей страны и который сейчас играет огромную роль в развитии хозяйства и культуры нашего государства.

Мы, советские люди, настолько привыкли к нашим знаменитым культурным датам, что иногда не полностью оцениваем все значение каждой из них. Если вдуматься глубоко, то мы, представители всех народов СССР, собравшиеся здесь на юбилей Низами, являемся участниками небывалого и немисслемого ни для какого народа другой страны праздника.

Во время поездки делегации Верховного Совета в Англию среди представителей нашего народа были и представители Азербайджана, наш дорогой друг Самед Вургун и товарищ Бабаев, представитель Узбекистана Айбек, президент Академии наук Казахстана Сатаев, видный представитель общественности Грузии Шария. В Англии, стране с огромными традициями, с большим запасом многовековой культуры, с почтительным изумлением смотрели на наших представителей. За нами уважали теплее, казалось, «лучше» представители английской культуры, а нам, все делегации Советской страны, было ясно, что много, о чем мы говорили с ними, является не только пройденной ступенью для нас, а что мы смеем, им значительно дальше вперед.

Вы помните это за шутку, но однажды, вернувшись из Шотландии, когда мы гуляли по окрестностям Лондона и около Сэмела Вургун мельтешила продажные представители реакционной прессы, а Самед Вургун ходил среди них, как представитель свободной, независимой страны, я ему сказал: «Дорогой Самед! Не так много лет прошло, когда твою родину топтали английские империалисты, а ты теперь ходишь среди них, как представитель нашего великого, могучего народа, и они лебезят перед тобой!» (Аплодисменты). Это, конечно, было шуткой, но все дело состоит в том, что именно советские народы, во главе с русским народом, выступили в мире, как проводники новых общечеловеческих моральных начал. Так судила история.

Низами — великий гений азербайджанского народа, это наш общий гений, гений советских народов, это и мировой гений. Нечеткое старое прославленное время состоит в том, что азербайджанский народ не знал своего гения Низами. Теперь это не только светоч азербайджанского народа, он — светоч всех советских народов.

Только теперь, разбирая все исторические материалы, мы прекрасно видим, что лучшие люди всего мира знали Низами, но это были одиночки, и лишь теперь гений Низами воскрес и поднимает нас не только для азербайджанского народа, но и для всех советских народов, и для всего мира. Великая сталинская дружба народов раскрыла все богатства наших народов. Это богатства — наше великое достояние. И мы совершенно справедливо отмечаем, какую роль в содружестве наших народов сыграл русский народ. Я об этом говорю не потому, что я русский, а потому, что это объективная правда.

Я хочу здесь вам напомнить, что именно лучшие люди русского народа, воспитанные на традициях многих десятилетий революционной борьбы, возглавляли освобождение человечества от ига эксплуатации.

Мы знаем, что законы Маркса, Ленина, Сталина — всеобщие законы. Но Ленинизм учит, что в каждой стране развитие идет по своему пути. Когда-то были две России: Россия — царская, Россия — эксплуататорская, и Россия великой культуры, Россия — революционно-демократическая. В силу своей слабости русская буржуазия шла на соглашение с помещиками, и издана в России революционное движение определяла народ, революционные демократы, а потом — большевики. Россия в течение ряда десятилетий XIX века развивалась под воздействием крестьянского революционного движения. Она родила таких деятелей, как Великий Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Плеханов, а потом великий Ленин и Сталина. Исторически сложилось так, что русский рабочий класс возглавил освобождение всех трудящихся людей мира от ига эксплуатации.

Лучшие люди любого из наших народов прекрасно понимали эту историческую роль русского народа. Сейчас я вспоминаю замечательный доклад т. Гусейнова, произ-

Речь на торжественном заседании Президиума Союза советских писателей СССР совместно с пленумом правления Союза советских писателей Азербайджана, посвященном 800-летию со дня рождения Низами.

несенный на собрании, посвященном 29-й годовщине со дня злодейского убийства 26 бакинских комиссаров агентами английского империализма. Английские империалисты топтали Баку и унижали достоинство азербайджанского народа, а люди, которые еще при прокламном царском строе прекрасно видели не только царскую Россию, а и демократическую, революционную Россию. Они прекрасно понимали, что без нас нет свободы для своего народа. Вы сами знаете эти прекрасные имена революционных демократов азербайджанского народа. И в каждом народе, который был исторически вовлечен в судьбу Российской империи, всегда находились эти гениальные люди, перед светлой памятью которых мы можем склонить головы. Они прекрасно понимали, что без передовой революционной демократической России не может быть освобождения и их народа.

Националистические буржуазные круги выступили против русских, говорили, что они, националисты, за «независимый» Азербайджан, «независимую» Грузию, «независимую» Армению. А на самом деле это были наймиты капитала. Эти люди были проданы морально и материально. И только мы, большевики, которые вступили в мир с лозунгами интернационализма, который мы и сейчас выносим вперед, как один из самых светлых наших лозунгов, только мы оказали самыми величайшими патриотами, дорожившими чужим и независимым народами, единственно понимающими значение культуры каждого народа. Когда я слышал доклад тов. Гусейнова, я подумал, как мало времени прошло, и теперь каждому из нас ясно, что только мы, советские люди, объединившись в интернациональное братство народов, только мы являемся истинными патриотами, сторонниками и проводниками независимости наших народов, только мы воскрешаем все лучшее, что создали наши народы. Если бы не было советской власти, самого величайшего гения азербайджанского народа, гения всего человечества, — Низами не знал бы даже сам азербайджанский народ. Вид Низами был доступен только узкой кучке людей. И они охотно отдавали его во власть чуждому государству. Кому же не известно, что на протяжении многих десятилетий Низами считался иранским поэтом, он, как сказали, был «вне закона» у нас. Русская историография в области Низами в начале XIX века совершенно объективно относилась к истине и определяла, что Низами — сын азербайджанского народа. Французский историк Шарма, долго работавший в России, совершенно точно определял Низами, как поэта, отличного от иранской культуры. Он написал о том, что Низами родился в Гяндже, что он азербайджанец.

Но в силу корыстных эксплуататорских капиталистических интересов русская цензура быстро забыла реальные факты истории и стала поддерживать версию, что Низами является иранским поэтом. А между тем, при любом непредвзятом взгляде, когда читаешь его произведения, немедленно обращает внимание на особенности произведений Низами по сравнению с произведениями иранских поэтов его времени.

Когда читаешь произведения Низами, нелегко поражаешься его пристальному вниманию к человеку. Главную ценность в мире он видел в человеке. Произведения Низами произвели, например, огромное впечатление на Гете. Он отметил в своих записках гениально поднятое Низами чувство любви, которое перерастает в любовь одного человека к другому и становится всечеловеческим гуманистическим чувством. Это было новое слово в развитии культуры всех народов. В условиях XII века Низами отличается веротерпимостью и отсутствием феодальных предрассудков по отношению к другим народам.

Такое произведение, как «Искендер-Нам», читаешь с чувством и гордостью за то, что Низами еще тогда оценил доблесть русского народа, с которым Гянджа, как и Ширван, находилась во вражде.

Низами отличался от своих замечательных современников пониманием того, что счастье человечества состоит в торжестве разума, справедливости, совести. Эти черты Низами пережил восемь столетий.

Почему мы так уважаем наших классиков? Потому, что только мы умеем находить в них то самое лучшее и передовое, что мы стремимся осуществить в жизни миллионов людей. Мы ушли вперед по сравнению с ними, но мы любим и ценим их за черты гуманизма и народного патриотизма.

800 лет тому назад, когда общество было раздираемо феодальной резней, нашелся человек, который мог поднять голос за все человечество. Подтверждается старая марксистская истина, что только тот писатель может жить в веках, который сумеет отразить чаяния народа. Писники счастья и справедливости, всегда присущие народу, были свойственны Низами. Низами даже по своему быту отличался от поэтов своего времени.

Мы часто говорили с нашими дорогими друзьями — азербайджанскими писателями о том, какое это великое счастье иметь в своем наследстве такого поэта, к которому не нужно, чтобы оценить его, влезть в гробницу, а он сам выходит из гробницы, чтобы вместе с нами идти на строительство социалистической культуры. (Аплодисменты).

Конечно, у Низами, как у всех великих классиков мира, были свои недостатки, исторические предрассудки, ограничивавшие его значение для нас.

Наш советский народ, который руководствуется учением Ленина и Сталина, не имеет рабского перед прошлым. Маркс говорил, что коммунисты штурмуют небо, тем более мы имеем право критиковать прошлое, но именно благодаря этому мы и понимаем все значение прошлого для нас.

Только теперь азербайджанский народ, который строит в национальной форме свою социалистическую культуру, сам начинает осознавать, какую огромную роль в развитии культуры человечества, особенно на Востоке, играла его прошлая культура. И только теперь она становится всеобщим достоянием человечества.

Русский язык, язык Ленина и Сталина, это тот язык, который делает культуру любого из наших народов международной. Именно благодаря великому русскому языку, на который мы переводим все лучшее в литературе, сейчас подняты из прошлых веков великие гении, которые являются светочем всего человечества.

В прошлую империалистическую войну мировой капитализм потерял великую Россию. Россия выпала из тележки капитализма и стала страной социализма.

Во второй мировой войне капиталисты хотели задуть СССР — великое содружество наших народов. В эту работу мировую войну мировой капитализм потерял пол-Европы. (Продолжительные аплодисменты).

Правильно говорят: когда бог хочет кого-нибудь наказать, он лишает его разума. Бог решил наказать капиталистов и лишить их разума. Они готовят новую войну, но есть большая опасность, что они вновь потеряют свое господство. (Смех, бурные и продолжительные аплодисменты).

Товарищи! В день светлого юбилея великого гения азербайджанского народа — Низами будем, как всегда, каждый час нашей жизни, где бы ни трудился, — у нефтяной вышки или за письменным столом, — думать вперед нас великое всечеловеческое дело. (Продолжительные аплодисменты).

что мы стремимся осуществить в жизни миллионов людей. Мы ушли вперед по сравнению с ними, но мы любим и ценим их за черты гуманизма и народного патриотизма.

800 лет тому назад, когда общество было раздираемо феодальной резней, нашелся человек, который мог поднять голос за все человечество. Подтверждается старая марксистская истина, что только тот писатель может жить в веках, который сумеет отразить чаяния народа. Писники счастья и справедливости, всегда присущие народу, были свойственны Низами. Низами даже по своему быту отличался от поэтов своего времени.

Мы часто говорили с нашими дорогими друзьями — азербайджанскими писателями о том, какое это великое счастье иметь в своем наследстве такого поэта, к которому не нужно, чтобы оценить его, влезть в гробницу, а он сам выходит из гробницы, чтобы вместе с нами идти на строительство социалистической культуры. (Аплодисменты).

Конечно, у Низами, как у всех великих классиков мира, были свои недостатки, исторические предрассудки, ограничивавшие его значение для нас.

Наш советский народ, который руководствуется учением Ленина и Сталина, не имеет рабского перед прошлым. Маркс говорил, что коммунисты штурмуют небо, тем более мы имеем право критиковать прошлое, но именно благодаря этому мы и понимаем все значение прошлого для нас.

Только теперь азербайджанский народ, который строит в национальной форме свою социалистическую культуру, сам начинает осознавать, какую огромную роль в развитии культуры человечества, особенно на Востоке, играла его прошлая культура. И только теперь она становится всеобщим достоянием человечества.

Русский язык, язык Ленина и Сталина, это тот язык, который делает культуру любого из наших народов международной. Именно благодаря великому русскому языку, на который мы переводим все лучшее в литературе, сейчас подняты из прошлых веков великие гении, которые являются светочем всего человечества.

В прошлую империалистическую войну мировой капитализм потерял великую Россию. Россия выпала из тележки капитализма и стала страной социализма.

Во второй мировой войне капиталисты хотели задуть СССР — великое содружество наших народов. В эту работу мировую войну мировой капитализм потерял пол-Европы. (Продолжительные аплодисменты).

Правильно говорят: когда бог хочет кого-нибудь наказать, он лишает его разума. Бог решил наказать капиталистов и лишить их разума. Они готовят новую войну, но есть большая опасность, что они вновь потеряют свое господство. (Смех, бурные и продолжительные аплодисменты).

Товарищи! В день светлого юбилея великого гения азербайджанского народа — Низами будем, как всегда, каждый час нашей жизни, где бы ни трудился, — у нефтяной вышки или за письменным столом, — думать вперед нас великое всечеловеческое дело. (Продолжительные аплодисменты).

Да здравствует наш великий советский народ! Да здравствует наша великая культура — производственная новых коммунистических начал жизни человечества! Да здравствует наше близкое коммунистическое будущее! Да здравствует наш учитель и отец товарищ Сталин! (Бурные продолжительные аплодисменты).

Когда читаешь произведения Низами, нелегко поражаешься его пристальному вниманию к человеку. Главную ценность в мире он видел в человеке. Произведения Низами произвели, например, огромное впечатление на Гете. Он отметил в своих записках гениально поднятое Низами чувство любви, которое перерастает в любовь одного человека к другому и становится всечеловеческим гуманистическим чувством. Это было новое слово в развитии культуры всех народов. В условиях XII века Низами отличается веротерпимостью и отсутствием феодальных предрассудков по отношению к другим народам.

Такое произведение, как «Искендер-Нам», читаешь с чувством и гордостью за то, что Низами еще тогда оценил доблесть русского народа, с которым Гянджа, как и Ширван, находилась во вражде.

Низами отличался от своих замечательных современников пониманием того, что счастье человечества состоит в торжестве разума, справедливости, совести. Эти черты Низами пережил восемь столетий.

Почему мы так уважаем наших классиков? Потому, что только мы умеем находить в них то самое лучшее и передовое, что мы стремимся осуществить в жизни миллионов людей. Мы ушли вперед по сравнению с ними, но мы любим и ценим их за черты гуманизма и народного патриотизма.

800 лет тому назад, когда общество было раздираемо феодальной резней, нашелся человек, который мог поднять голос за все человечество. Подтверждается старая марксистская истина, что только тот писатель может жить в веках, который сумеет отразить чаяния народа. Писники счастья и справедливости, всегда присущие народу, были свойственны Низами. Низами даже по своему быту отличался от поэтов своего времени.

Мы часто говорили с нашими дорогими друзьями — азербайджанскими писателями о том, какое это великое счастье иметь в своем наследстве такого поэта, к которому не нужно, чтобы оценить его, влезть в гробницу, а он сам выходит из гробницы, чтобы вместе с нами идти на строительство социалистической культуры. (Аплодисменты).

Алексей СУРКОВ

Возвысьте голос, честные люди!

Над лесом ранняя осень простерла Крыло холодной зари. Гнев огненным комом стоит у горла И требует: — Говори! Приспело время главной и горькой Взять правду свое права. В Париже, в Лондоне и Нью-Йорке. Пусть слышат твои слова. Еще лежат города в запустенье, Не высохли слезы вдов, А земля опять застилает тени Одеты в траур годов. Словесный дом атлантических хартий Лежит на дне сундука. И снова жадно шаришь по карте В старбын перчатке рука. С трибуны лицемеры кланут захваты, Сулят и мир и любовь. Но после войны ушли в дипломаты Начальники их штабов, И возлюбили их генералы Посольских дворов уют. Опять кемажи Баку и Урала Кому-то спать не дают. И залпы атомных бомб в избытке Расставлены напоказ. И головы подняли недостаток Восточных и северных рас. Все лживей становится и наглее Писаная ученая тля, Чи предки замучили Галилея, Джордано Бруно сожгли. И ложь нависает смрадным туманом У мира над головой. И слышен все громче за океаном Вчерашний берлинский вой. Газетных неминок хор ретивый Анафеме предаст Тебя, героический, миролюбивый, Родной советский народ. Когда из пепла, руины и разора Свой дом поднимешь ты, Тебя, чернит стозыкая свора Потоками клеветы. Слеша схватит барышей ошакпи, Своей мощи патриот, Субъект с Уола-Стрита в горщей шапке — Держите врага! — орет. И мы этот, сдобренный словом божьим, Горчачевый злобный бред. Оставить на совести их не можем — У них ведь совести нет. И не на что ставить пробу и plomb... Они от своих шедрот Пнают кукиш атомной бомбы Голодной Европе в рот. Боящая оружейм, сся страхи, Гонят расплатят и сжечь, Они под шумок сливают рублики У ближних с костлявых плеч. Ибантаж называя долгом высоким, Обман громоздят на обман. Они выжимают последние соки Из обескровленных стран. Плянуть щекочет их обояние Кровавый запах войны, Но на коушение их планы заранее Источной обочены Недавней войны глубокая рана Не даст нам безвуд проспать. И в недрах земли нехатит урана, Что вдунуть историю вспять. Я вижу над их бесславыи заклатом Сяобидных народов суд. Ни доллар, ни лопь, ни разбухший атом От капы их не спасит. Над ними не взрелась глотки орудий И стены не пали ниц. Возьмите голос, честные люди, Сорвите маски с убийц!

Над лесом ранняя осень простерла Крыло холодной зари. Гнев огненным комом стоит у горла И требует: — Говори! Приспело время главной и горькой Взять правду свое права. В Париже, в Лондоне и Нью-Йорке. Пусть слышат твои слова. Еще лежат города в запустенье, Не высохли слезы вдов, А земля опять застилает тени Одеты в траур годов. Словесный дом атлантических хартий Лежит на дне сундука. И снова жадно шаришь по карте В старбын перчатке рука. С трибуны лицемеры кланут захваты, Сулят и мир и любовь. Но после войны ушли в дипломаты Начальники их штабов, И возлюбили их генералы Посольских дворов уют. Опять кемажи Баку и Урала Кому-то спать не дают. И залпы атомных бомб в избытке Расставлены напоказ. И головы подняли недостаток Восточных и северных рас. Все лживей становится и наглее Писаная ученая тля, Чи предки замучили Галилея, Джордано Бруно сожгли. И ложь нависает смрадным туманом У мира над головой. И слышен все громче за океаном Вчерашний берлинский вой. Газетных неминок хор ретивый Анафеме предаст Тебя, героический, миролюбивый, Родной советский народ. Когда из пепла, руины и разора Свой дом поднимешь ты, Тебя, чернит стозыкая свора Потоками клеветы. Слеша схватит барышей ошакпи, Своей мощи патриот, Субъект с Уола-Стрита в горщей шапке — Держите врага! — орет. И мы этот, сдобренный словом божьим, Горчачевый злобный бред. Оставить на совести их не можем — У них ведь совести нет. И не на что ставить пробу и plomb... Они от своих шедрот Пнают кукиш атомной бомбы Голодной Европе в рот. Боящая оружейм, сся страхи, Гонят расплатят и сжечь, Они под шумок сливают рублики У ближних с костлявых плеч. Ибантаж называя долгом высоким, Обман громоздят на обман. Они выжимают последние соки Из обескровленных стран. Плянуть щекочет их обояние Кровавый запах войны, Но на коушение их планы заранее Источной обочены Недавней войны глубокая рана Не даст нам безвуд проспать. И в недрах земли нехатит урана, Что вдунуть историю вспять. Я вижу над их бесславыи заклатом Сяобидных народов суд. Ни доллар, ни лопь, ни разбухший атом От капы их не спасит. Над ними не взрелась глотки орудий И стены не пали ниц. Возьмите голос, честные люди, Сорвите маски с убийц!

Над лесом ранняя осень простерла Крыло холодной зари. Гнев огненным комом стоит у горла И требует: — Говори! Приспело время главной и горькой Взять правду свое права. В Париже, в Лондоне и Нью-Йорке. Пусть слышат твои слова. Еще лежат города в запустенье, Не высохли слезы вдов, А земля опять застилает тени Одеты в траур годов. Словесный дом атлантических хартий Лежит на дне сундука. И снова жадно шаришь по карте В старбын перчатке рука. С трибуны лицемеры кланут захваты, Сулят и мир и любовь. Но после войны ушли в дипломаты Начальники их штабов, И возлюбили их генералы Посольских дворов уют. Опять кемажи Баку и Урала Кому-то спать не дают. И залпы атомных бомб в избытке Расставлены напоказ. И головы подняли недостаток Восточных и северных рас. Все лживей становится и наглее Писаная ученая тля, Чи предки замучили Галилея, Джордано Бруно сожгли. И ложь нависает смрадным туманом У мира над головой. И слышен все громче за океаном Вчерашний берлинский вой. Газетных неминок хор ретивый Анафеме предаст Тебя, героический, миролюбивый, Родной советский народ. Когда из пепла, руины и разора Свой дом поднимешь ты, Тебя, чернит стозыкая свора Потоками клеветы. Слеша схватит барышей ошакпи, Своей мощи патриот, Субъект с Уола-Стрита в горщей шапке — Держите врага! — орет. И мы этот, сдобренный словом божьим, Горчачевый злобный бред. Оставить на совести их не можем — У них ведь совести нет. И не на что ставить пробу и plomb... Они от своих шедрот Пнают кукиш атомной бомбы Голодной Европе в рот. Боящая оружейм, сся страхи, Гонят расплатят и сжечь, Они под шумок сливают рублики У ближних с костлявых плеч. Ибантаж называя долгом высоким, Обман громоздят на обман. Они выжимают последние соки Из обескровленных стран. Плянуть щекочет их обояние Кровавый запах войны, Но на коушение их планы заранее Источной обочены Недавней войны глубокая рана Не даст нам безвуд проспать. И в недрах земли нехатит урана, Что вдунуть историю вспять. Я вижу над их бесславыи заклатом Сяобидных народов суд. Ни доллар, ни лопь, ни разбухший атом От капы их не спасит. Над ними не взрелась глотки орудий И стены не пали ниц. Возьмите голос, честные люди, Сорвите маски с убийц!

Над лесом ранняя осень простерла Крыло холодной зари. Гнев огненным комом стоит у горла И требует: — Говори! Приспело время главной и горькой Взять правду свое права. В Париже, в Лондоне и Нью-Йорке. Пусть слышат твои слова. Еще лежат города в запустенье, Не высохли слезы вдов, А земля опять застилает тени Одеты в траур годов. Словесный дом атлантических хартий Лежит на дне сундука. И снова жад

Сын Уинстона Черчилля

Николай ПОГОДИН

Тот самый сын, о котором сказал А. Я. Вышинский в своей знаменитой речи на Ассамблее Об'единенных наций: — Черчиллю-отцу вторит Черчилль-сын, побивший рекорд поджигательства к войне в своем заявлении в Сенате 3 сентября.

Рандольф Черчилль — сын, достойный своего отца. Сын — копия, на радость родительскому сердцу, словом, возлюбленное чадо.

Оно росло и развивалось, мужало и училось в зловещей атмосфере самых темных, самых отвратительных деяний, на какие были способны крайние реакционеры Англии в их борьбе против советского народа. Уинстон Черчилль тридцать лет тому назад держал в своих руках все нити кровавых заговоров против нашей страны.

Он говорил тогда: — Большевики представляют идею, пражбегну наемной цивилизации. Они вне нашей юрисдикции.

Значит, в отношении России все дозволено. И он — военный министр английского кабинета тех времен, прежде всего сделал непосредственным, прямым и жестоким предводителем своих шпионов, насильных убийц, темных авантюристов, и во главе их поставил Сидней Рейли. Даже Локарт, кому пришлось «работать» в Советской России вместе с доверенными лицами Уинстона Черчилля, Локарт, сам — разведчик и организатор чудовищных преступлений в нашей стране, и тот в своих воспоминаниях с отвращением отбывает об этом «сладком агенте» Черчилля.

Он Сидней Рейли, авантюрист и международный политический бандит, в сущности, делал то, что приказывал хозяин. Тайны тех времен непрерывно открываются. Лишний агент Уинстона Черчилля Сидней Рейли все свои устремления, энергию и «таланты» направил в главной цели: убийство Ленина, Сталина, Державинского, прежде всего, к физическому уничтожению руководящих деятелей советской власти. Он сам, никому не доверяя, готовился к «надежным людям» устроить нападение на советское правительство и уничтожить его.

Старый Черчилль давно выводит в люди своего возлюбленного сына. Он торопится обучить и натренировать его, как продол-

жателя своей миссии в этом мире. Неважно, что сыночек, на сторонний взгляд, не очень тонок по уму и производит впечатление самодовольного болвана, зато он проявляет безмерную самонадеянность и развязность.

Эдмунд Рузвельт в своей известной книге «Его глазами», посвященной деятельности великого президента, между прочим дает несколько насмешливых строк, характеризующих этого политического члвчка.

Старый Черчилль привез с собой сына на конференцию в Касабланку, как говорится, «дебютировать в большом свете».

И вот как вышел этот дебют: «Теперь, когда я застаю мистера Черчилля у моего отца в присутствии его собственного отца, мне не терпелось удостоверить, будет ли он (молодой Черчилль. — М. П.) излагать им свои мнения так же безапелляционно, как он преподносит их мне. Признаться, я ожидал, что он будет несколько стесняться. Однако он с несомнительной решимостью произносит поразительно многословные речи на любую тему, затрагивавшуюся в течение тех пятидесяти минут, которые он провел с нами. За это время он растолковал нам все тонкости военного и политического положения на Балканах; указал присутствующим государственным деятелям на кратчайший путь к сохранению английской гегемонии на Средиземном море, для чего, правда, пришлось бы затанцевать мировую войну на несколько лет; вскрыл недостатки плана кампания, разработанного Об'единенным советом начальников штабов по поручению английского премьер-министра и американского президента, и устранил сомнения премьер-министра и президента по шекотливому вопросу о политике в отношении Франции. Эта замечательная сцена привлекла к себе внимание слушателей не только потому, что они очень устали после пяти дней работы, — она их немало позабавляла».

Отец Рандольфа, повидному, был в восторге, если он ни разу не остановил свое

чадо. И вот оно теперь читает лекции в Австралии: «Британская империя», «Об'единенная Европа», «США и Советский Союз». Можно представить себе эти лекции... Но дело тут не в том, какую чушь способен нагородить этот самонадеянный наглец. Прежде всего бросается в глаза приуроченность этой «научной командировки» ко времени работы сессии Генеральной Ассамблеи. Если старый Черчилль, заклейменный И. В. Сталиным, как поджигатель войны, мог бы поверить теперь своим друзьям, заседающим на Ассамблее, то Черчилль молодой не так уж общезвестен и нагледен.

Но Уинстон Черчилль не сложил оружия и не собирается уходить на покой. Без его голоса хор — не хор... Он даже никому не хотел бы уступить место отменного солиста в англо-саксонском ансамбле песни и пляски поджигателей войны. Поэтому выступление Черчилля-сына само по себе ничего бы не стоило, если бы оно не повторяло по складу мыслей и манеры Черчилля-отца.

Война и крестовый поход против Советского Союза. «Мне не хочется предсказывать, но я чувствую, что третья мировая война неизбежна».

«Организация Об'единенных наций кажется бесплодной». «Бывший вице-президент США Генри Уоллес только вводит в заблуждение мир, когда он характеризует советский коммунизм, как другую форму демократии». «Англия не знает секретов атомной бомбы, однако мы имеем друга, который знает его, и мы вполне удовлетворены своим будущим».

Чем отличается все это от флутонской речи Черчилля? Разве только тем, что самонадеянный наглец бездарней своего отца и потому с потропающей грубостью выбывает в голый вид самые мрачные мысли и цели английской реакции.

«Мы» — это Черчилль с его кличкой, но не Англия.

Оскорбительно и недостойно для английского народа, когда равнявшие политические ханши вроде Рандольфа Черчилля смеют возводить свое ничтожество до степени общенационального представительства.

Банкиры—генералы—дипломаты

М. ГУС

То, что было сравнительно редким явлением четверть века назад, теперь стало типичным в Соединенных Штатах Америки. Банкир — генерал — дипломат предстают пред нами в одном лице. После первой мировой войны на арене международной жизни появились Чарльз Дауэс, получивший известность как автор «плана Дауэса», плана возложения на американские деньги немецкого монополистического капитала и немецкой агрессии, Дауэс — банкир. В годы первой мировой войны он стал генералом. Закончил он свою карьеру в качестве дипломата.

Ныне генералы из среды банкиров все чаще и чаще назначаются на руководящие дипломатические посты в США. Так, например, Роберт А. Ловетт, которого генерал Маршалл избрал своим заместителем по Государственному департаменту, как своего близкого сотрудника во время войны. Генерал Ловетт — крупнейший нью-йоркский банкир, один из представителей деловой верхушки Уолл-стрит. В 1940 году банкир Ловетт был произведен в генералы и назначен помощником военного министра. С 1941 года он руководил всеми вопросами авиации и воздушной войны. Любимый афоризм банкира-генерала Ловетта: в трех вещах нуждается современная война — в бомбардировщиках, еще раз в бомбардировщиках, в возможно большем числе бомбардировщиков. В тесном контакте с Маршаллом, в бытность последнего командующим генерального штаба, Ловетт создал колоссальный военно-воздушный флот. На этом заработали миллиарды долларов друзья и партнеры Ловетта из финансовых монополий и промышленных концернов. Ныне банкир-генерал Ловетт с благословения и по приказу Уолл-стрит стал и дипломатом. В его лице к непосредственному руководству внешней политикой безудержной экспансии привлечен полномочный представитель финансовой олигархии. В Государственный департамент он принес и навыки долларового бизнеса, и методы атомно-воздушной агрессии, столь излюбленные и широко применяемые американскими поджигателями войны.

Под руководством Маршалла и Ловетта Государственный департамент быстро заполняется людьми в военных мундирах. Политическую разведку — этот передовой отряд американской экспансии в самых отдаленных уголках мира — возглавляет генерал Эдди, опытный разведчик, уже во время войны действовавший одновременно и как военный, и как дипломат. Маршалл создал в Государственном департаменте отдел планирования внешней политики и поручил руководство им Джорджу Кеннану, известному своей враждебностью к Советскому Союзу. Кеннан — профессиональный дипломат, тесно связанный с военными кругами. В молодости он обучался в Сент-Джонской военной академии. А в 1946—1947 годах состоял уполномоченным Государственного департамента по внешней политике в военном колледже США, где завершается подготовка высшего командного состава. В этом колледже Джордж Кеннан «преподавал американскую» генералитету теорию и практику внешнеполитической экспансии. Можно не сомневаться в том, что и он сам в свою очередь немало поучерпнул из опыта агрессии, накопленного его учениками-генералами. Прямо из военного колледжа Кеннан перешел на пост руководителя отдела планирования внешней политики Государственного департамента США.

Важнейшим полем деятельности для американских дипломатов в генеральских мундирах является Германия. Здесь весьма активно срадовал до последнего времени Уильям Дрепер — один из самых яр-

ких политиков, организаторов и проводников политики расчленения Германии и превращения западной ее части в американский военный бастион в центре Европы. В течение длительного времени Дрепер был главным экономическим советником генерала Клея, американского военного губернатора в Германии. Теперь, когда вырабатываются немецкое военно-промышленного потенциала в Западной Германии успешно проводится в жизнь, Дрепер получил повышение: он назначен заместителем военного министра США. Карьера Дрепера — яркий пример того, как банкир сначала является генеральским мундиром, а затем становится дипломатом, не переставая, разумеется, оставаться банкиром. В Германии Дрепер выполнял функции руководителя внешней политики. Сделав здесь свое дело, он сейчас направлен «для изучения экономического положения» в Японию. А по профессии он остается все тем же «банкиром по инвестициям», как сказано в американском справочнике, специалистом по экспорту капитала. Дрепер — вице-президент банка «Диллон, Рид и компания», с давних пор финансирующего немецкую тяжелую промышленность. Одним из владельцев этого банка является, кстати говоря, нынешний министр национальной обороны США Форрестал.

Клей расстался с Дрепером, но возместил свою «потерю» тем, что выписал из Вашингтона другого представителя американского делового мира. Это Дж. Антон Пауэр, в послужном списке которого военные посты также чередуются с дипломатическими. Он прибыл в Германию и занял пост личного советника генерала Клея по всем европейским проблемам, в том числе:

Ионыч из Вашингтона

Валентин КАТАЕВ

Многострадальную Европу постигло новое бедствие.

В Европе появилась группа бодрых американских джентльменов. Они путешествуют.

Мы знаем, что американцы любят путешествовать. И мы всячески приветствуем эту их неукротимую любовь к туризму.

В самом деле, почему бы богатому, хорошо обеспеченному и не слишком обремененному работой человеку немножко не поколесить по земному шару?

Так сказать, людей поиздавать и себя показывать.

Но, в сожаление, в данном случае к туризму в его чистом виде прибегают некие элементы чисто американского «бизнеса».

Упомянутые американские джентльмены являются не просто туристами, а в некотором роде туристами политическими, так как все они одновременно члены конгресса.

Их самым жгучим образом интересуют вопросы: — Какое экономическое значение имеют для Голландии «политические беспорядки» в Индонезии? — Какое значение имеет для Швеции импорт из СССР?

— Явились ли предостережение кредита СССР бременем для экономики Швеции?

— Каковы шансы на создание таможенного союза в Западной Европе?

— Носили ли забастовки и другие волнения в промышленности, главным образом, экономический или политический характер?

И много, много другое хочется знать лютым туристам-политическим-конгрессменам.

Они мчатся по Европе из страны в страну и всюду суют свой нос.

Кое-где они ведут себя с развязностью и вульгарностью, понапавшего в универсальный магазин.

Они думают, что в Европе все продается: правительственные, парламентские, президентские, политические партии, банки, акционерные общества.

Они не стесняются распекавать целые нации и делать строгие выговоры народам.

Они сварливо придираются ко всему. Увидели, что парижане сидят в кафе, и тут же по-хозяйски распекают парижан: — Не по кафе нужно сидеть, господа, а дело делать! Так-то!

Вурнами темпами развивается хозяйственная и культурная жизнь Бурят-Монгольской АССР. Новые школы и клубы, театры и кино строятся в городах и поселках республики. Лучшие произведения искусства Советской страны становятся достоянием массового зрителя Бурят-Монгольской АССР. И. Петрова в роли Ольги и артистка И. Логина в роли Катяни в опере Даргомыжского «Русская женщина» в опере Государственного Бурят-Монгольского музыкально-драматического театра в Улаан-Уде. Фото Л. Великанина (Фотокроника ТАСС).

Нет, не пропадет идея новатора!

Этот вопрос давно жлет своего освещения. Советская общественность не может равнодушно пройти мимо такого факта, что более 15 лет тормозится осуществление замечательной идеи, выдвинутой советским инженером Фремельем. Мы вправе спросить, в чем дело, мы обязаны разобратсья в этом.

Инженер Аристарх Борисович Фремель предлагает в корне изменить весь организационный принцип отечественного сахароварения. Не свеклу возить на заводы, а сахарный сок. Фремель предлагает использовать скоростную свеклу, выпаривать, выжимает из нее самое ценное — сок и сок этот сгущает до состояния твердых брикетов, которые могут храниться годами и которые можно перевозить в любое время года на самые дальние расстояния. Это — переворот, это — подлинная революция не только в производстве сахара, но и в экономике всего свекловодства. В 1944 г. в провинтке вынесло специальное решение по этому вопросу, и к концу 1945 г. должны были быть построены первые 54 свеклобритательные установки системы Фремелья. Но, несмотря на это, все остается по сей день по-старому...

Почему? Советского писателя, рабочего, инженера, колхозника — любого передового человека не может не волновать этот вопрос. Мы являемся единственной страной в мире, подлинно единственной, где инициатива и талант обеспечена всеобщая поддержка, — это в природе самого нашего строя, это — выражение самого духа нашего строя. Так что же случилось на сей раз? Почему на глазах у всей страны гибнет столь глубоко интересное и важное предложение, что стало на пути его реализации?

Косность, рутинизм, бюрократизм? Боязнь риска, страх перед новым, консерватизм? Или есть еще причины — другие?

Поездка автора этих строк по трем свекловодным областям Украины — Харьковской, Полтавской и Киевской — дала возможность с предельной ясностью убедиться, какой большой интерес проявляют там к идее Фремелья, в частности, с каким нетерпением ждут наши колхозы фремельевских установок.

Прежде всего разрешается острый транспортный вопрос: не надо возить воду за десятки километров на сахарные заводы. Не надо торопиться с кошкой свеклы до сентября-октября, т. е. до наступления распутицы, когда вообще невозможно перевезти с грузом по сельским дорогам, а свекла растет особенно хорошо и наливаются сахаром именно в эти месяцы. При переработке свеклы неподалеку от колхоза остается на месте жом — ценнейший корм для скота, а на сахарных заводах огромное количество его гибнет, вывозится на свалку. Наконец, заводы обеспечат круглогодичной работой, они не должны больше стоять законсервированными по девять месяцев в году из-за одного того, что свекла гниет и ее надо быстрее пустить в котел.

Вот какая огромная сила заложена в предложении инженера Фремелья!

В Смелянском районе, на Киевщине, колхозники говорили, что они сами рады были бы и сами в силах построить за колхозные средства брикетный заводик, особенно в кооперации с соседними колхозами. В другом колхозе фремельевскую установку назвали «свеклобойной МТС». Выражение не совсем точное, но в нем скрыта глубокая мысль. Государство строит для колхозов брикетные установки, облегчающие, как и машинно-тракторные станции, труд колхозников, а колхозы платят государству определенную плату за переработку свеклы. В третьем колхозе

был поднят такой вопрос: установка Фремелья — индустриальный центр на селе. Выработка брикетов длится всего 3—4 месяца, но зато в остальное время года установка может давать колхозу электрический свет и электроэнергию. Это и мода электричеством, и пиломатериал, и соло, срезка, и полоторезка, и кино, и радио. Меняется облик сотен и сотен деревень, меняется самый характер колхозного производства. Разве не разумна эта мысль?

И вот после всего сказанного и после всех постановлений, решений, приказов Главлесахара родил наконец мысль... На Полтавщине, в Кобеляках, воздвигнута первая и единственная свеклобритательная установка. Но лучше бы ее вовсе не было! Потому что это — карикатура, издка над идеей Фремелья, стыдно смотреть на это жалкое сооружение, дискредитирующее только изобретателя.

Слыхано ли, например, чтобы каждая кирпичина стоила 10 рублей, когда ей в базарный день гривенник цена. За 200 верст на станцию Гуселья Подпол посланы строители по 30—40 рабочих, давали им суточные, оплачивали стоимость гостиницы и железнодорожных билетов, и те в мешках (в мешках!) привозили кирпич...

Вокруг строившейся брикетной установки возник чуть ли не целый рабочий поселок, «аппарат», штат, директор со своей персональной машиной. На том месте, где сейчас стоит кобеляцкий заводик, раньше был дом. Сломать его и построить новый обошлось в 100 тыс. рублей. Разве при строительстве других таких же установок тоже надо будет всякий раз ломать дома? И, наконец, как может дешево стоить предприятие и как оно может хорошо работать, когда оборудование собрано по случаю, с бору по сосенке, когда почти все насажено по размерам ядра и вторе большие гребенных и все стоит баснословно дорого, и все преспокойно люди включают в калькуляцию, чтобы заткнуть за уши, когда же целим сахарный завод, почти 3 миллиона стоят! Не проще ли строить сахарные заводы, которые дадут не полуфабрикат, а готовый сахар.

Да, кобеляцкая установка действительно обошлась в 2,5 млн. руб., это в пять раз больше того, что имелал тов. Фремель! Но кто повинен в этом?

«Друзьям» Фремелья из Главлесахара не удастся скрыть от общественности, что проект строительства кобеляцкого заводика был составлен без участия Фремелья, что об авторе предложения забыли. Фремель увидел установку почти готовую, ему оставалось только на-ходу спасать ее от позора.

Другой — не Аристарх Борисович Фремель, — обнаружив, что все сделано без него и вопреки ему, может быть, себелай бы из Кобеляк. Вы извратили мою идею, не хочу отвечать за вашу установку. Но тут примешалось человеческое, это надо понять. Человек отдал лучшие годы своей жизни определенной идее, преодолел миллион препятствий, пока доказал свою правоту, и вдруг он узнает, что его мечта не осуществляется... Естественно, Фремель несказанно рад, он спешит на Полтавщину, где ему вместо родного ребенка подсынули недоедка. Он не находит в себе силы оставить его, он лечит его, лепит друг с другом подержанные насысы различных марок и размеров, строит, ломает, перестраивает... Пусть кто угодно бросает упрек тов. Фремелью, хотя бы даже в слабозлобы, — мы не станем этого делать.

Но в конце концов не это сейчас главное. Мы хотим знать другое: до каких пор министр пищевой промышленности тов. Зотов и начальники Главлесахара тов. Сторожук будут хоронить замечательную идею советского инженера Фремелья? По правитель-

ственному решению, никем не отмененному, фремельевские установки должны быть покрыты в ближайшие годы густой сетью всю карту страны. Так где же все это?

Мы готовы допустить, что первые установки должны стоить несколько дороже, пока нет достаточного опыта или пока еще нет серийного производства котлов, насосов или других видов оборудования. Мы готовы допустить, что в самой фремельевской установке есть кое-какие недолетки. Но в таком случае надо было прийти на помощь автору предложения. Призвать науку, пригласить лучших специалистов страны и дать им боевой заказ: усовершенствовать брикетную установку, сделать ее еще лучше и еще дешевле. Вот это было бы по-государственному, вот это было бы достойно настоящих советских хозяйственников, производителей. А шушукать в кабинетах, хихикать по поводу неудач, в которых эти люди сами повинны, и выдвигать на передний план чужеземное, — советский ли это стиль?

В Министерстве пищевой промышленности и в Главлесахаре любят ссылаться на опыт заграничных. Здесь охотно популяризируют некоторые заграничные новинки, примером чего могут служить изданные ими недавно книжки «Механизация возделывания сахарной свеклы в США» и «Свеколяхара промышленность в США». Но, пропагандируя «гений» американских сахарников, авторы и издатели упорно замалчивают в то же время в своих книгах, что американские «открытия» много лет назад открыты в СССР талантливыми русскими инженерами и агрономами Гиченко, Гузенко, Пасечником, Воловским и другими, предложения которых так же затерты, как затерты сейчас предложения Фремелья.

Не в этом ли объяснение того, что «не апробированная» еще американцами идея Фремелья гибнет сейчас? Не в низкоквалифицированности ли и раболопском пресмыкании перед Западом причина того, что срываются важнейшие государственные мероприятия, которые могли бы дать колоссальную экономическую выгоду нашей стране?

Это приключенное перед «заграничными» доходит в Министерстве пищевой промышленности до анекдотов. Даже на упаковке кукурузных хлопьев — «корнфлекса» (тоже выдуманное слово), выработываемого в Москве на Переведенковке, и то наши необходимые печатать: «Вырабатывается по американскому методу»... А что в этом методе «американского»? — спросить бы у рабочих и инженеров Переведенковского предприятия комбината. Зачем нужно тыкать каждый раз в нос этот рекламный анонс, будто кукуруза становится тогда вкуснее? Будет ли вкуснее, советскому человеку, советскому человеку и приятнее все русское, советское, — неужели это еще не усвоено в Министерстве пищевой промышленности?

Советские люди никогда не ставили своей целью отгораживаться от того, что может дать наука Америки или другой страны. Вторично изобретать порохи мы не намерены, а хотим, наоборот, и стремимся использовать все лучшее, что есть в мировой технике и культуре, чтобы дальше совершенствовать это на благо всего человечества. Этому учил нас Ленин, этому последованию учит нас Сталин. И только чувство презрения может вызвать у нашего человека всякий, кто в угоду чужестранному, лишь бы оно было чужестранное, забывает о чести советского человека, о кровных интересах своей родины.

А. АГРАНОВСКИЙ

и когда ему «В Обществе взаимного кредита» говорят про какой-нибудь дом, назначенный к торгам, то он без церемонии идет в этот дом и, проходя через все комнаты, не обращая внимания на неохотные женские и детские взгляды на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой и говорит:

— Это кабинет? Это спальня? А тут что?

И при этом тяжело дышит и вытирает со лба пот.

У него много хлопот, но все же он не бросает земского места; жадность ододела, хочется поспеть и здесь и там...

Мы, конечно, не склонны слишком обижать доревизионного доктора Ионыча испитыми аналогиями, но все же надо сказать, что «дядя Сэм» чем-то напоминает человека Ионыча.

Это Ионыч, уселенный в сто тысяч раз, дошедший до грандиозных размеров, Ионыч в мировом масштабе.

Ионыч, сидящий за океаном на своих мешках с золотом, мечтающий купить весь земной шар и воду посылающий своих записных, наглых приказчиков.

И не могу я, чтобы немощно не поправить Антона Навловича. Несколько его оговоренных:

«Прошло еще несколько лет после петербургского соглашения. Дядя Сэм еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит от высокомерия и уже ходит, откинув голову назад. Когда он, худой, красивый, едет на кадиллак с раздирающе-громким классиком, и Маршалл, тоже худой и красивый, с мясистым затылком, сидит на козлах, подложив на баранку руля прямые, точно деревянные, руки, и кричит встречным народом: «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а мешок, набитый деньгами. У него

в западном полушарии громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть именов в Тихом океане и страны в Европе, Азии, и он облюбовывает себе еще новые, повыгоднее, и когда ему на Уолл-стрит говорят про какую-нибудь страну, назначенную к торгам, то он без церемонии посылает туда своих конгрессменов, которые совершают путешествие по Европе, не обращая внимания на годовалых, обрванных жеждищ, детей и стариков, смотрящих на них с ужасом, тычут во все страны палкой и торвуют:

— Это Греция? Это Турция? Прекрасно. Мы это берем. А тут что? Аэропорт? О'гей! А это что? Франция? Заверните! А это что — нефть? Беру.

И при этом он тяжело дышит и вытирает со лба пот.

У него много хлопот дома, но он не бросает ни одной страны, которая «плохо лежит», жадность ододела, хочется поспеть и в западном полушарии и в восточном».

Не правда ли, получается мило?

Говорит, что туристы дяди Сэма собираются посетить Советский Союз.

Почтенным туристам, вероятно, очень хотелось бы бодрым шагом пройти по нашей необъятной стране с палкой, тыкая ее в разные места:

— А здесь что? Баку? Заверните. А это — Урал? Заверните! Золото? Заверните. Нефть? Заверните.

Но, увы! Завернуть наши богатства — кутеж не по карману даже для такого Ионыча в мировом масштабе, как дядя Сэм.

И его туристам не придется сказать нам: — Заверните! — Заверните! — скажет им советский народ. — Заверните огобли.

РАССУЖДЕНИЕ О ВЕЛИКАНАХ

Леонид ЛЕОНОВ

Существует мнение, что великаны добродушны и даже лобот, чтоб к ним ходить в гости. Наряду с этим опыт Гитлера, побывавшего в гостях у России, показал, что мова об их гостеприимстве сильно преувеличена. Два студента вступают в противоречие... и тут, предположим, Дижонская академия наук поручила нам отвергнуть одно, как заблуждение, другому же вручить пальму первенства и правоты.

Мы призадумались бы, что именно скрывается за этим академическим вопросом. Как и все на свете, великаны состоят из достоинств и недостатков. Если под этим словом разуметь великий народ, то вывод будет зависеть от того, какой общественной слои подвергнуть рассмотрению; в каждом из них бывает подчеркнута, или даже искажена, какая-нибудь черта национального характера... Ясно, что это на наш счет заведывались хитрые динозавры.

Некоторые умели мы для милого гостя все на стол выставить, что в дому найдется; да это и неплохо — трихачуток достатком для верного друга, с которым вместе кровь проливали или еще прольем впереди. Однако простой народ в таких случаях проявляет больше государственного такта и чувства, чем бедные просвещенные наши слои, у которых радушные нередко вываливались в излишнюю общительность с гостем динозаврского происхождения. Замечено, что кто-то из наших не прочь был и душу ему на сиденье подстелить — «располагайся, милосердный друг, а я тебе сказывать стану — как с женой живу, чем у нас чаюток лещет и какой самолетик брат соседний в поле выдал!» Причем все это не ради подлого барыша, а просто так, чтоб улажить гостя щедротами, запечатываясь навеки в его благодарности, хотя и небезызвестно, что благодарность проходит вместе с хлемом. Может, и шлобо сказано, но пусть шапка на том до тла спорит, о ком речь.

Гость тем временем усмехается, мотает на ус по правилам шпионской мнемоники, а потом цинично всю ночь, подобно Генриху Штадену, доносил своему Максимилиану о кратчайших путях к одолению гостеприимного хозяина. Сколько мы их поверадили от Штадена до Кюстина, от Струйса до Петра-Петрий-Эраудана, который так обстоятельно обогнал Грозного царя. Нередко лишь по исчезновении дорогого гостя приходило в голову списать — отколе он, чем занимается и как имачко ему, чтобы черта пустилась водочку... Да и позже, сколько у нас было пито-едено панант — истратями, доспассами, адресидами и другими мэтрами газетного кавестона. Где-то они теперь и что подеывають в пользу всемирного гуманизма? Много добра улыкло из нашей страны в беззаботной ладе российской деликатности.

Трудно уследить начало болезни, но представляется мне, что началось это вскоре после надения Сумбейкиной башины. Не нова эта повесть, однако повторим вслух ради разбега и укрепления рассеянной человеческой памяти... Нам повелено было судьбой стать великим восточным валом от монгольского вторжения, как семь веков спустя — могучим горным хребтом от нашествия тевтонского. Целых три века мы выстояли насмерть, не шелохнувшись, пока юная Европа закладывала фундаменты своих университетов. Скудно жили тогда наши дети, без ласки, без книжки, без прынка. Не Шекспира и Ронсары, а Пересветы и Ослибы нужны были залитой кровью земле. Не любовная лютня, не веселая трагедия мавританской ревности или напрасного тщеславия, а нечто поперезнее звучит в песне о походе Игоревом. У них там Гамлет уже сомневался в радостях бытия, а мы в одиночестве дрылись за самое их право на воздух. Впрочем, мы на участь свою не рошнем, — после каждого испытания что-то прибавлялось в нашем теле и душе; вот откуда, мускулы титана и неустранимая пронизательность мудреца.

Никто из народов не познал с такой силой святости знания. Выскоблывая из земли, Русь устремилась к сокровищам, без которых в этом мире сожрут с костями. Царь Иван Ковад последним железным ларцом русского государства, и когда тот приобрел надежную прочность, Петр сослал в него первую горсть «зерен бурмицких» поверх уже накопленного том жемчуга — славянского, византийского и италейского привитивов... Однако нетерпение заглушило в Петре гома мудрого предвидения — как это аукнется в веках. — Совершив великие дела, он причина прусскую знать копировать иностранное и презирать свое.

Ему было безразлично, во что налита живая вода просвещения, лишь бы поскорей утолить трехсотлетнюю жажду. Нищенцы ехали к нам с семьями и челядью, так что всякая капля меду прибывала сюда в многорудных ябанах да баклагах. То

была, пожалуй, лишь руда, подлежащая дальнейшей обработке в плавильных варочных духах, чем готовый фабрикат культиры, пригодный к немедленному применению. О, далеко не Леонардо, не Парацельсы, не Палладио соблазнялись суровым моноклитическим климатом, а лишь бесветные Европе Лейфорты да Гордоны, Брюсы да Боуры; это под крылом Петровым стаяжили они себе пенную славу. Смешно было бы считать их воспитателями обновленной культиры русской. Они никогда не голились стать клетками государственного разума России, у которой была своя, суровая, неопостижимая Западу судьба, но лишь инструментом в руках неистового царя. Если доныне существуют в советской столице районы их имени, это лишь показатель того, как умеет наш народ ценить даже крупную оказанную ему в нужде услуги.

И, смотрите, едва осиротела Петрова дубинка, как быстро выродилась «сия птенцы гнезда Петрова» в бездарную гоштанскую моль в Бирона и Бенкендорфа. Дубельта и Штурмера, который был просто парижана бляха, в бархатном камзоле. Лишь немногие из них плодотворно прижились в русской науке и разтворились в своей новой родине. Большинство жило островком, становилось верхахи общества, друзьями и даже родичи царя. Но, процветая и множась, наливаясь смесяю и жирком, они побивались так называемой «славянской души», которая иностранцу всегда представлялась некоей подозрительной шпучкой со взрывателем, и стремились обезопасить своих потомков от превратностей будущего. Примечательно, как быстро подыкали они себе деятелей, которые приподнятую позитивную деликатность Пушкина — «си за учителя своих задривный кубок поднимает» — вывернули в формулу извечного примата Запада в нашей духовной жизни. Кажется, в те годы русскому народу весьма своевременно напомнили обветшалую «легенду» о приглашении безработного скандинавского ландскнехта Рюрика со братьями на великокняжеское кресло, — предание столь же бесталанное, как брехня об основаннн Москвы сыном библейского праотца Иафета, Мосоком, и его благодетельной супругой Ква, откуда и наше с вами прозвание, товарищи москвичи!

На протяжении века этот привозной микроб изрядно подточил веру русской знати в свои национальные силы. Столичная знать постаралась окончательно, языком и обьячем, отмежеваться от своей черной родни, ютившейся в нищих язвах. Она щедрала в импортированных да лоскутах, транжира накопления Петра. Не имея опоры в своем отечестве, она искала ее вне его.

И сколько раз — в доме патриарха московских недорослей две княжны-сестрички хаяли свою родину перед очередным мужчиной из Боро, который, кстати, всегда на поверку оказывался либо журнальным Хвастачком средней руки, либо просто шпионской шпучкой в окружении рабеленных карасей.

— У вас там священные камешки Европы, Коллизен, да Парфены, Атенеумы да Фолибержеры... роскошь какакая! А у нас только и есть, что всадник медный, который вот уже целый век все скачет сквозь свою гиперборейскую метель.

Да тут еще фамусов сбоку подает про неоприятность мужика — «просто неприятно за зарывок держаться, едуци у него на сиине». Да еще скалозуб рванет басом: «А дороги-то, сударь, — гримжу наживы!»... А следовало бы тогда же поспорить у них со строгостью (как и было испрошено веком позже, в Октябре!); а что, дескать, сделали вы сами, хорошие вы господа, на иностранном диалекте спрямляя свое отечество, что вы сделали для приведения в надлежащее совершенство дорог российских и заривка упомянутого мужика?

Такая мораль и для нашего времени пригодна. Слов нет, критика полезна, поскольку она способствует совершенствованию, но не всякая критика совершенствованию способствует. Критика настоящего творца социалистической жизни раньше всего состоит в том, что он своим собственным трудом старается преодолеть недостатки своего быта и общества. Если, скажем, тело его терзает низкая зимняя температура, а душе — нехватка комфортабельных автомобилей, он тем яростнее вырывается в Донбасс и Магнитку, потому что там в неистощимом количестве заключено все для утолнения самых утонченных потребностей. Ему не потребуется для этого в шахту лезть или удомны становиться: его собственная специальность является могучим рычагом воздействия на уровень жизни. Делая свое дело хорошо и своим примером устыдя неважного соседа! Такая критика ускоряет наше поступательное движение, и если бы все так критиковали, глядясь бы как пятилетку в год осмилить!... Что касается других видов критики, то зачастую это — воркотня потребителя, стороннего человека в своей стране, воркотня недовра, потому что, может быть, для комфортабельной машины как раз тех винтиков и нехватает, которые изготовляет он сам. И примечательно тоже, что всегда при этом

является побозности очередная шучка плмиса, которая терпеливо ждет, когда кузчек сыру выпадет из клюва разговорчивой птички...

Я не хулю прошлое моей страны. Правнук крепостного, я смотрю на старую русскую культиру, как на свое кровное наследие. Она блистательна в том, что было почернуто ею из парода... Не быть бы ей, однако, если бы дело мн не доставляло хлеб ее творцам, не ходили в дальние походы с Ермаковской волиницей, не слепили в рудниках, не изводились без сна в людской, пока Гавриил Романович Державин беседовал со своей музой, и, наконец, соленым солдатским потом не попили орды русской военной славы. Но, кто знает, случись наоборот, может быть, на месте своих холмов мои деды закопировали бы всемеро. (Равным образом, глазами наследников вправе мы глядеть и на западноевропейскую культиру, которую мы обороняем в двух величайших сражениях и от которой, кстати, пошли ее другие отрасли, в том числе — и заокеанская.)

Патриотизм состоит не в огульном восхвалении или умалчении отечественных недостатков. В полном объеме я понимаю значение этого слова. Не на моем языке родилась поговорка ubi bene ibi patria — где хорошо, там и отечество — мудрость симментальской коровы, которой безразлично, кто присоеется к ее вымени, было бы теплым стойлом да сладким поводом. Для мыслющего человека нет дороже слова **отчизна**, обозначающего **отчий дом**, где он явился в свет, где услышал первое слово материнской ласки и по которому впервые пошел еще босыми ногами. С малых лет мы без запинки читаем эту книгу жизни, написанную летом наших весенних ручьев, гротом нашего Днепра, свистом нашей воли. Мы любим отчизну, мы сами физически откаты из части ее неба, полей и рек. Не оттого ли последней мечтой политических скитальцев и даже просто бродяг было — вернуть в родную землю хоть костик.

Сильна эта стихийная антеева тяга, но она ниже горного чувства национальной принадлежности. Патриот потому и готов погибнуть за свою землю, чтобы у его народа сохранились навеки эти исторические благо. Всем строем мысли и душевным богатством ты обязан родине. Она дала тебе жизнь и талант. И это не есть лотерейный билет, по которому счастливым выдают без очереди хромые штатгетты или гошочки с прицепом. Нет, талант есть сокровище, окутленное историческим опытом и мукой предыдущих поколений; он выдается под моральную расписку, как скрипка Стреливария — молодому дарованию, и родина вправе требовать возврата с законным процентом, чтоб не скудела национальная казна. На любой общечеловеческой ценности лежит неистребимая печать нации, где она родилась. И если удалось тебе снеть что-нибудь путное в жизни, привлекающее сердца простого народа, то лишь потому, что слабый голос твой звучал согласно с вековым хором твоей Большой Родины. Вот почему все знаменитые люди нашего прошлого так благодарно и нежно любили ее всякую — и в сумерки, когда бесприсветный осенний дождик, и в нищете, когда у ребенка не хватало сил протянуть руку за миностаней. — во гряде всего — в бедствии, когда предстояло либо прорваться к победе, либо сгинуть вместе.

И есть высочайшая степень патриотизма, который существует пока в одной нашей стране, но светит далеко за ее пределы. Это патриотизм не только для себя, но и для других... и, в конечном итоге, для других больше, чем для себя. Это патриотизм мудрости и старшинства: мы живем здесь, но наша родня раскидана всюду — по горизонтальной пространству и по вертикали времени. «Мы — человечество». Это не вселенский космопатизм некоторых наших изысканных современников, которые в понятие родины готовы включить любую точку Галактики, где имеются конфлексии и кафе, универмаги и дистанции с сервисом. Подчеркнутые урбанизты, «французистые нимфомы и бульвардье», по научному определенно Маяковского, они допускают явления природы лишь в предметах потребления, а русскую культиру — в черной икре с белой булкой. В большинстве это люди способные... в первую очередь способные скорее преувеличить сомнительные достоинства чужих, чем примириться с временными недостатками своих, лишь бы их не урекнули в неадекватной необъективности. Как и прежних недорослей, их можно признать по одежке, составленной из предметов, недоступных простому смертному. Они здравствуют и процветают, но всегда держат в мыслях, что есть на свете такая праведная страна. Эльдorado, где требуется пальмировая глинящая культира и никелированные гвозди продают в шахтуклаха, пригодных для хранения законо... Это над ними поменасалась девушка Крылов в баяне о дворняжке, который из дальних странствий возвратяся». Им невдомек, что в Эльдorado все зависит от титров, а не от милостивцев, и никто из там не ждет с шампанским на аэроромах, а если и примут, то лишь в гарзоны при титровом столе, в яшки, по-нашему; что симментальским коровам, после того как

выдуют, пенсий там не дают, а обращают на мясо и потребляют с горчицей их собственного разочарования... Нельзя забыть, как один большой беглый артист певал бурлацкие песни у одного такого саблезуемого тигра чуть ли не в передней, чтоб не мешать болтуне титровых гостей, которые так и не появили, из-за чего так шумно распинается этот приезжий господин и крахмале. А потом, ближе к ночи, на длинном черном кодылаже ехал он украдкой в порт, где стоял тогда советский пароход, и все ходил, все слушал вечернюю песню русского матроса, вольный ветер с ропшны. Какая босякая тоска грызла тогда его душу! Эх, вольно-волягар, далеко ли ты уехал на своем кодылаже?... Нет, эльдорады скуны стали, денгу любят, денгу колят, мало ямам дают, что и обнаружилось на одной недавней конференции. А уж если и выдают, то сперва списывать под свою душу потребую.

Речь идет о чувстве высокой принадлежности к авангарду труженников, которым так гордились Горький и Маяковский, Чкалов и Зоя. Это есть патриотизм советского человека, провозглавшего свое отечество моральным пристанищем всего прогрессивного человечества. — Да, мы любим свое, наше, потому что на нем лежат отпечатки мечты и золотых рук наших гениев; да, нам дорог этот, наш, дом, содеянный подвигом предков и всесторонне оборудованный достижениями пятилеток, но не потому только, что там находятся дедовские могилы, бедственная утварь цивилизации и непотопные сундуки с добром. Наше отечество лучше других потому, что оно есть сознательный прообраз людского общества.

Нам нельзя иначе, мы зорче, мы старше в человеческом роду. В самом деле, тот, кто не полагает своего благополучия в нищете слабейших, еще не может считаться их братом; пока еще он только не вор. И если он защищает их от потока и разоренья, не ставя себя призом коньей со златом, — их брат. И если он расквасит черен заидейству, пока другие приивают пуговины к мундирам, он есть сильнейший брат. (И не против порухов, но известно, что непосредственное пролитие крови на фронте сопряжено с большим риском для здоровья). И, наконец, если он идет вперед века, как вожак, прокладывая трассу в страну, куда еще нет лопей и куковских маршрутов, приемая на себя вся тягости и случайности неизвестности, он есть старший брат. Таким всегда принадлежало и старшинство в семье. Такие отвечают перед историей за сохранность всего духовного людского достояния.

Любя свое, мы никогда не испытывали кражды к чужому, пока оно за рубежом, не одето в цвет хаки и не смотрит в нашу сторону задумчиво-бычьим взором. Блок по-

торал слова Белинского о том, что нам внятли все передние качества других культур. Это хорошо известно простому люду всех пяти материков, и не нам жаловаться на отсутствие друзей в мире. Большие того, нас понимают и иные враги, ненавидящих которых бывает порой окрашена и невольным уважением к величию нашего народного духа. И это проявлялось не только в пору Сталинграда или первой Отечественной войны, когда на хлеб и соль на золоченой тарелке, а черный неотсытый пенел подносили мы завоевателям на конце нашего меча. Им-то хорошо известно, какие сокровища таится в недрах советской державы и что мы еще сверх содеянного смогли бы выдать на-гора человеческой культире, если хотя бы полвека не отвлекать нас бараным боем военной тревоги. С особой силой это уважение сказывается в том, как старательно они мешали нам покарать преступства нашей социальной системы рядовым труженникам земли. В первую очередь это проявилось в ходе Отечественной войны, когда нас нарочно оставили наедине с фашизмом, в надежде, что мы взаимно сложем один другого — в факте величайшей победы, невозможной для прежней России.

Показал даже, что не только уважали бы, но и любили бы нас... но только смирных и кротких, как любит Америка, — как потенциальное сырье, чудовищной емкости рынок и неисчислимые кадры для биржевых и военных спекуляций. Естественно, они частично сожалеют, что лишены возможности проявить эту людоедскую любовь в полной мере. Уильям те невозвратимые, но довольно длительные времена, когда можно было давить на русское правительство похищением рубля на бирже и гаркнуть по-хозяйски, как в первую мировую войну: «Россия должна воевать, а не разговаривать!» («Daily Express», осень 1917 года). Ушла пора нашей печальной зависимости от Запады — не культирной, которой и не было, а экономической. В яростной атаке фашизма должно видеть отчаянную попытку восстановить утраченное, и вполне закономерно, что первое же пооктябрьское поколение с такой

решимостью выпустило из него газ этого тоскливого бешества.

Молодежь не помнит, а в те времена они были здесь, совсем рядом. Какая разница — кнут баскака или заргачинного банкира свистеца над головой России: второй был умнее и, методически срезая шерсть, старался не слишком ранить кожу. Происходило неторопливое, но верное «освоение» России Европой — через династические нуты и через прямое хозяйственное порабощение. Наверку красовалась православно-образный немец с бородакой и в порфире, внизу — тот же немец в цивильном спортуке, то-есть с пакетом промышленных акций, то-есть таланов на прибавочную стоимость туземного труда; в этой протной, хотя порою и незримой оболочке ревились наши, пока еще косоланые, рабушничские тиграты. Не помню, какое иностранца сидело больше на хребте дооктябрьской России, — все кормились без сор и порозну, запуская по несколько лоботков в ту же ранку. Один, вроде Мекков и Гуажов, пытался инкогнито в анонимных акционерских предприятиях, декорированных русскими флагами, и марганцем. Другие жевали нас заочно, вроде черного — потому только, что пытался шерсть! — Побеза. Широко известны его попытки сокрыть у России волжские газовые месторождения и последующую роль наводчика в интервенции девятнадцатого года. Черного побелел не отмоешь русским квасом добела!

Именно этим людям выгодно была теория нашей «неполноценности», нашей всегдашней духовной подчиненности какому-нибудь очередному чужому даде. Да, мы улались укрепить в сознании нашей дворяно-буржуазной интеллигенции эту идею «исторической преэксценности» русской научной, технической и художественной мысли у Запады, на манер того, как дух божий перманентно исходит от бога-отца. По этой теории, превратя сию маскотичную пуповину означало бы вернуть отечество в неизбывные беды, хотя не только млеко, а порою и нечто совсем наоборот притекало к нам оттуда. «В 1906 году, когда революция еще развивалась в России, Запад помог царской реакции оправиться, ссудив ей 2 миллиарда рублей. И царизм действительно окреп тогда ценой нового филипового заката России Западом» (Сталин). Необходимо было своевременно раздеть догола, духовно разоружить нашу страну и затем под местной анестезией национального сомнения изготовить из нее питательное и безопасное блюдо на грядущие века. Интересно, как быстро и паразитически этот миф о тысячелетнем ущемлении России у Европы привиса к нашей постоянной скромности, даже застенчивости, когда дело касалось оценки наших общечеловеческих заслуг... Будь у нас кровль или идею, нашего брата — будь то солдат или ученый! — всегда оттирали от пирога на заключительном ширшестве.

И вдруг оказалось, к примеру, что яблочковая электрическая свеча занесена в изобретательский формуляр Эдиссона, а паровая водоподежная машина, изобретенная на Урале в начале XVII века, даже в учебниках подарена Денису Папину, а химические предвидения Ломоносова присвоены Лавуазье. И отнюдь не потому, что гений Лавуазье нуждался хоть в крупнее чужой славы, — будь он жив, он немедля отверг бы эту неприличную спекуляцию со своим собором! — а потому, что и этот пустячок содействовал уменьшению нашей роли в общекультурном процессе. С помощью тех же магических манипуляций русское радио само закрыли за Марconi; к слоуу, какой долбятный муж науки не мог не знать о существовании Попова и тоже мог своевременно отвергнуть, однако в высшей степени не отверг. Через полгода он имел миллион на сберкнижке, а наш собиратель гроши у услужливцев на постройку омытной радиостанции. Скажешь правду, мы раньше плохо знали свои природные и людские богатства, и приятно сознавать, что в какой-то степени мы уже излечились от знаменитого «незаболевания русских», благодаря которому столько раз неотвратимое признание отечественного гения приходило к нам через границу. Поздно разбираться, что тут виноват; обраблемому народу безразлично, совершался ли грабеж по замыслу чужих плавовиков или по почину наших доморожденных простачков, с таким рвением выискивавших черты зависимости нашего творчества от зарубежного, точно тот немедленно поделится с ним полтинником на радостях визанного приобретения. Хорошо просветители, которые стремятся докарать своему народу его духовную несамостоятельность. Какая неосторожность вести себя так за большим столом, за которым сами же принимают свою высококалорийную пишу.

И ведь до того, помнится, дошло, что в 1912-м, в юблей первой Отечественной войны, на всех московских перекрестках можно было купить бюсты И. Бонапарта на льюбе вес и цену, хотя даже бумажные портретки П. Багратиона или Д. Давыдова, не говоря уже о М. Кутузове, не запомнились мне в продаже. Конечно, в ту пору был **альянс**, то-есть дружба с французами, во всякое время весьма полезная вещь, но зачем же в приятности другу возродить в национальные герои заграничного мужичку, который футасы подкладывал под башни московского Кремля. Действовала наша историческая деликатность: заглядывать перед приятелем старую пишу, выразившуюся лишь в том, что неудачно завоевателя в бедном виде выкинули за порог.

Словом, медленность поглощения объясняется скорее неспособным поведением обраблемого, нежели апатичностью грабителя. Первая мировая война не была ли попыткой ускорить процесс «освоения», чтоб ра-

зом, сплыв кровь из России, расплатать ее затем, как колониального кита? Безоружных, без винтовок и пороха, богатейшей бросили под княжальные германские огни; мое поколение помнит, как металась самосововетская армия в Полесских бологах, подлобно обращенная в беззащитное полумиллионное стадо. «И пала грозная в боях, не обаяж мечей, дружина»... О, пусть они никогда не любили нас, но как, через головы героев, в сто тысяч русса предавали они нас тогда, и вместе с нами — наших старших братьев и отцов, народы Советского Союза! Наш средили навечно не только радости всех недавних свершений, но и давняя общность исторической судьбы.

Октябрьская революция, разрубая капиталистические цепи, порвала и десятки цепочек помельче, которыми тянули наземь сачком радушного и гостеприимного великана. Копчили старый, отработанный миф о первородстве Запады в нашей духовной жизни. Мы отглянулись ему за вековую и порою весьма жестоку учебу. Все повалили, как живность ютился порой между почтенными университетскими «камышками Европы». Не тот стал Запад, да поизменились и русские с 1917 года, а вместе с ними и другие братские народы наши. Только теперь в полный мах развернулись их социальная мощь. Их нынешний патриотизм питается сознанием своих неискляемых, раскрепощенных творческих сил. В то время как английской промышленности революции потребовалось почти десяти лет, чтоб достигнуть нынешнего уровня жизни, мы за неполные тридцать отшагали не меньший путь, причем все это, в сущности, сделано было одной рукой, в другой — мы обязаны были держать наготове винтовку. Именно это обстоятельство даст нам право сказать миру:

— Освободите труженника от пут, от все убьютяющейся мертвой зыби войн и передаточных шестерен, поглотивших его творческую энергию, станет истинным хозяином планеты, и вы увидите, что все, накопленное человечеством доныне, есть только детская проба пера в ученической тетрадке!

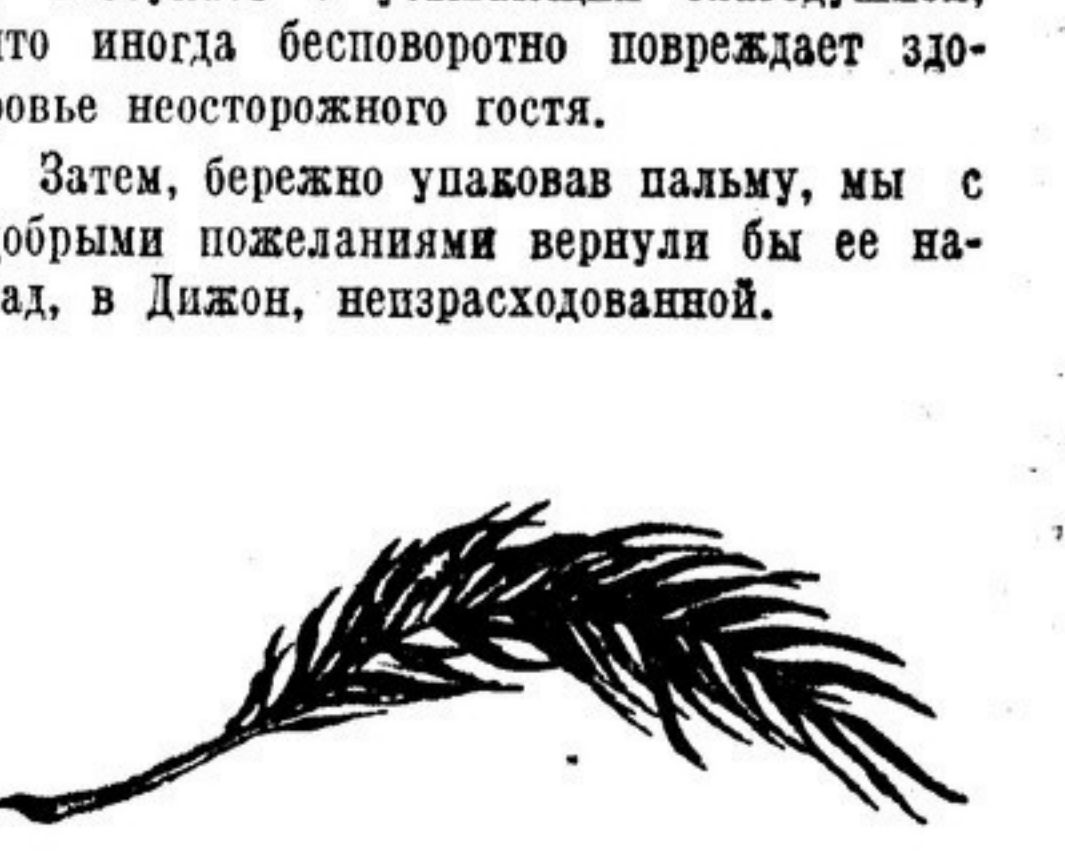
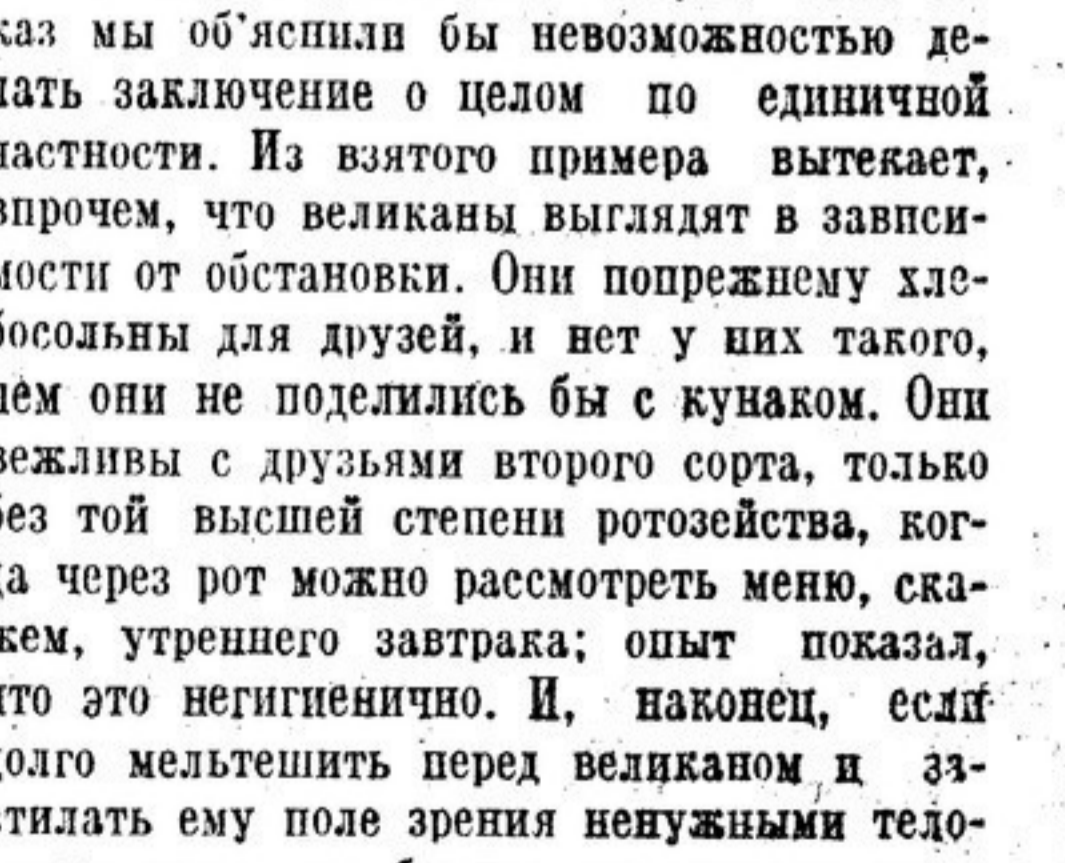
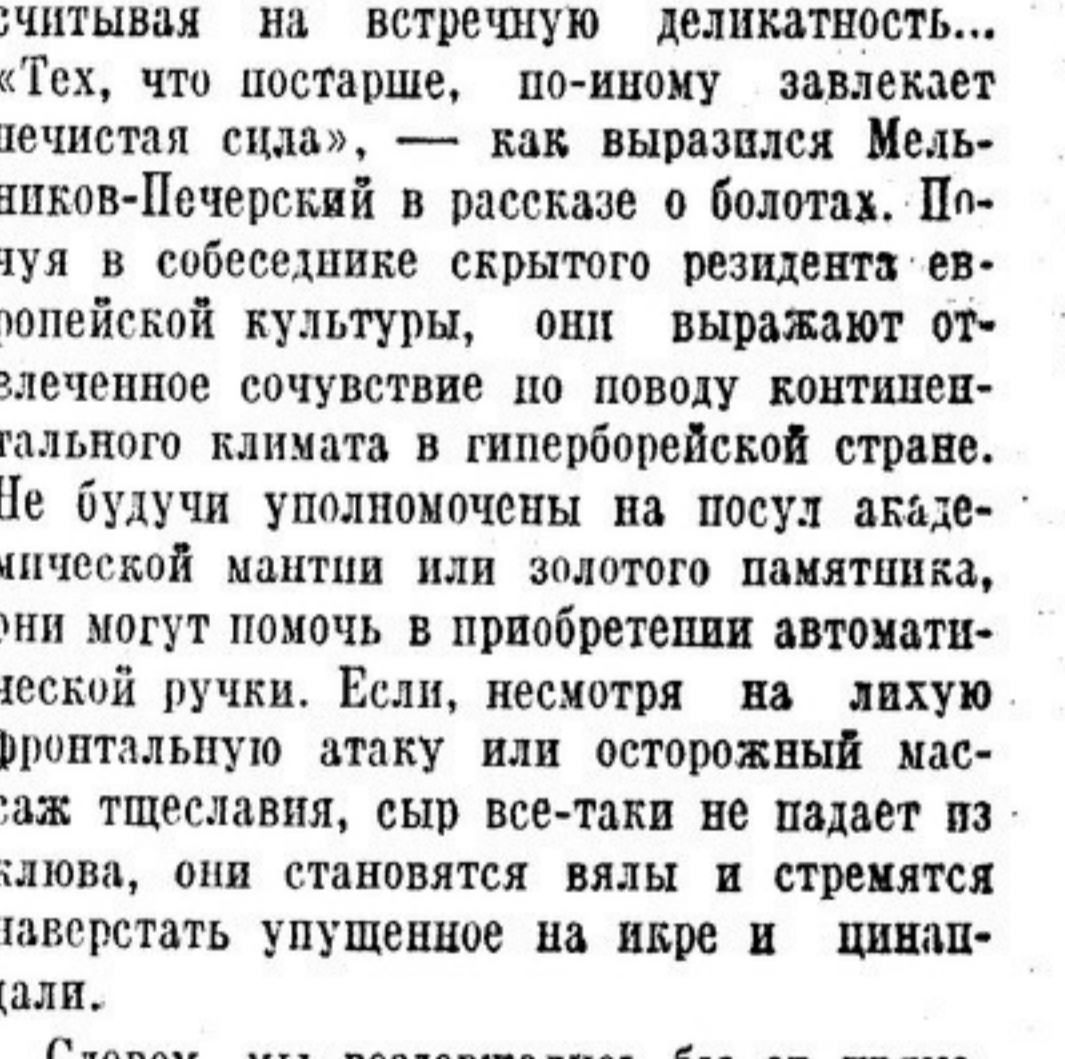
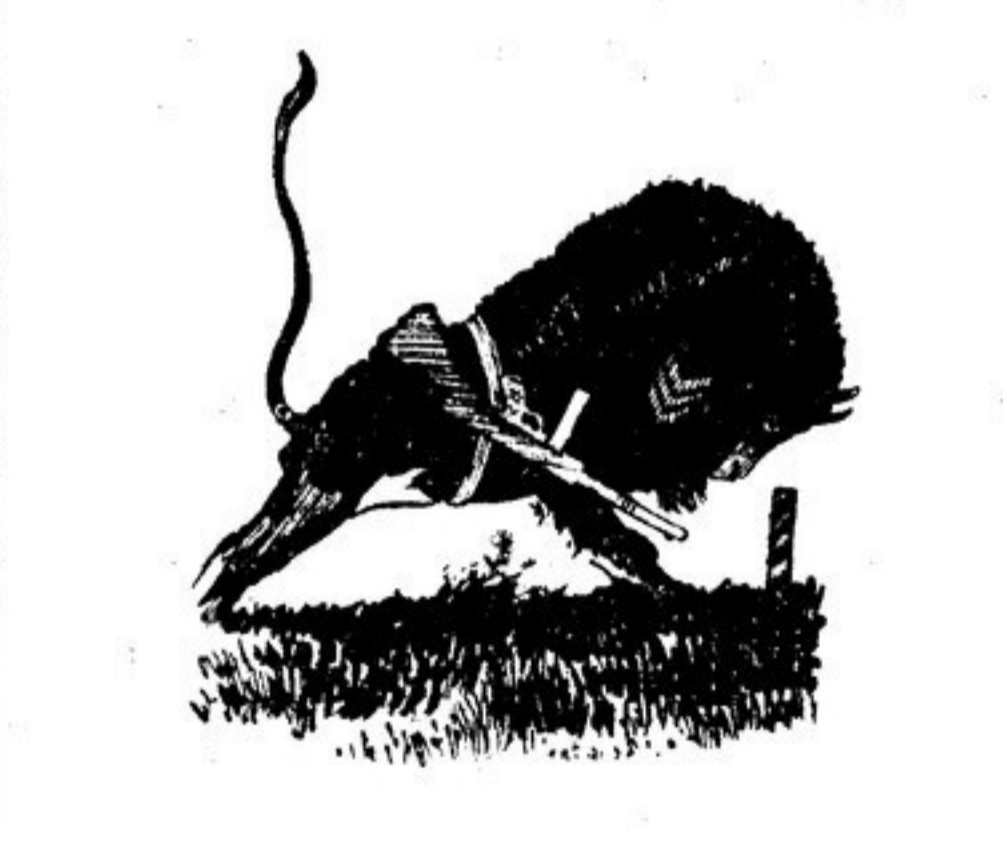
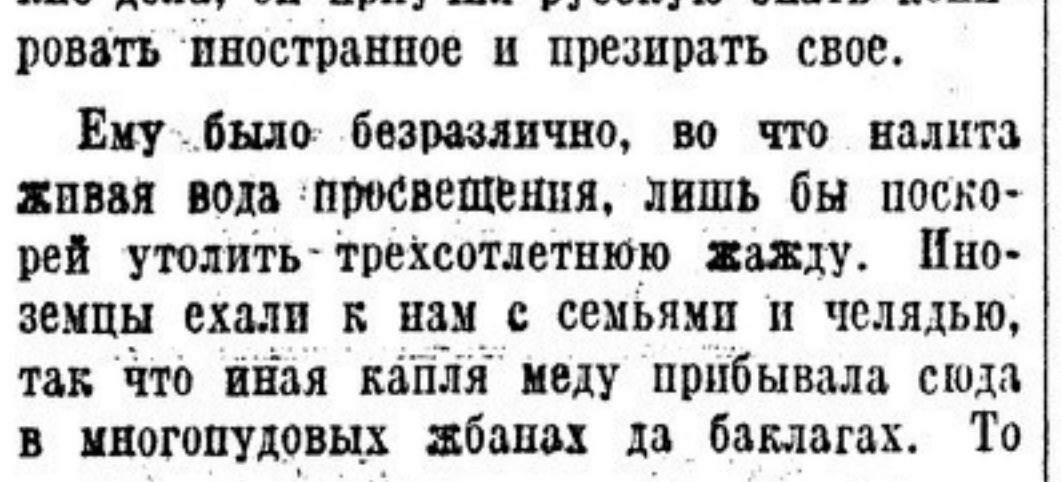
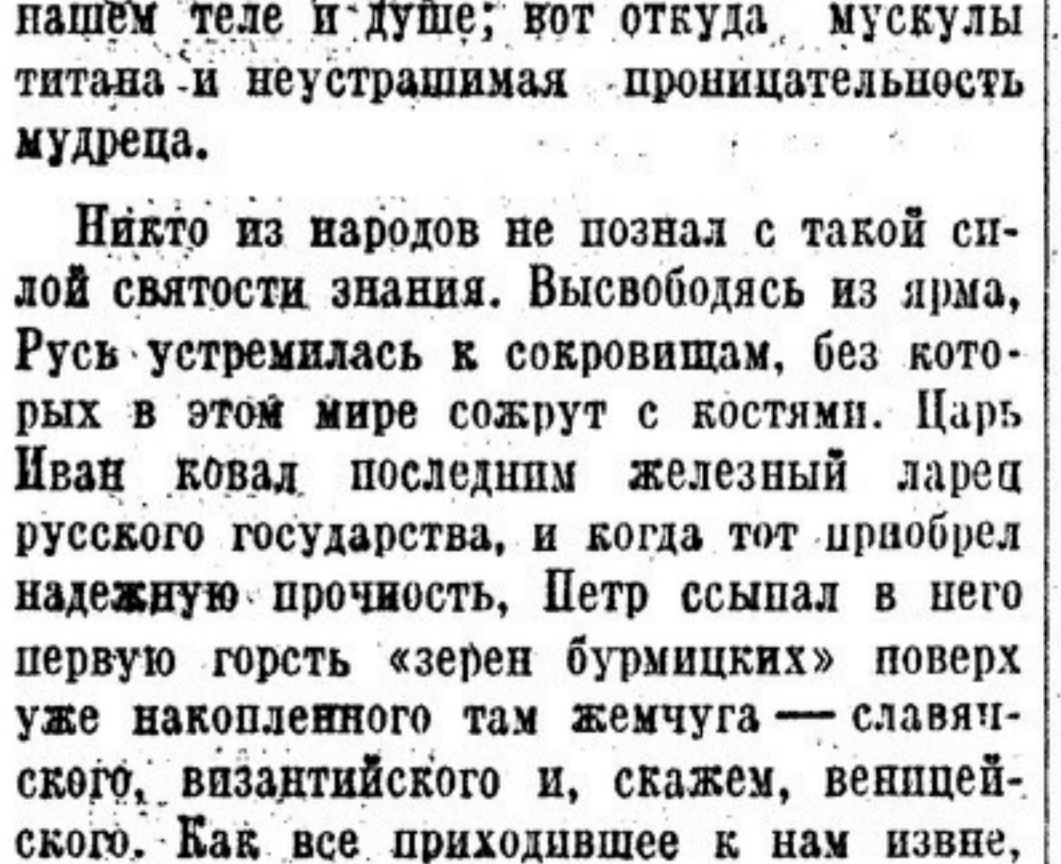
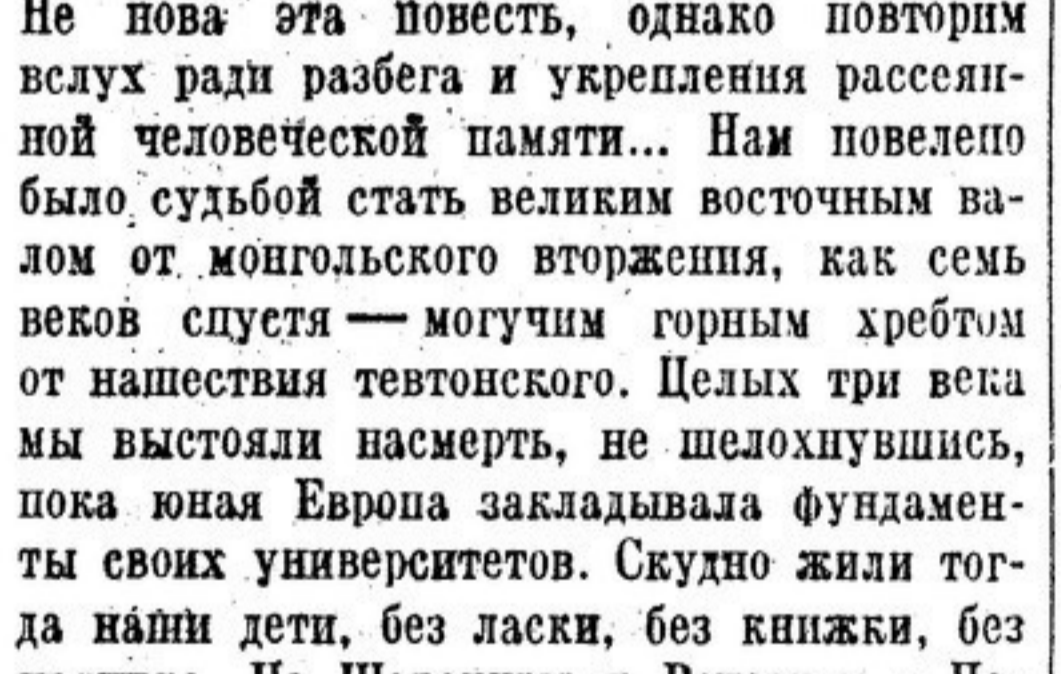
Собственно говоря, и все.

Но поскольку результаты этого торопливого исследования весьма зависят от роли, которую сам гость играет в доме великана, необходимо коснуться и посетительских разповиностей. Гости бывают разные. Одни хотят нам добра и сами не прочь поучиться у нас опыту разумного существования. Другие захотят по делам; они не порадуются нашим радостям, мы не огорчимся их огорчениям. Третьи, как правило, лукавы и ловки, — у них очень мягкие руки и большое око профессионального слухача. Их сердят, когда мы разговариваем с ними так, словно во весь наш народ прислушивается к беседе, стоя за нашей спиной. Выйдя на ловление, они в качестве выживки применяют в осях щель, лещь, даже искривленную откровенность. Они любят проникать отзыватьсь о своих деятелях, расчитывая на встречную деликатность... «Тех, что постарше, по-иному залекает печистая сиза», — как выразился Мельников-Печерский в рассказе о бологах. Почуя в собеседнике скрытого резидента европейской культиры, они выражают уваженное сочувствие по поводу континентального климата в гиперборейской стране. Не будучи упомянуты на посул академической мантны или золотого памятника, они могут помочь в приобретении автоматической ручки. Если, несмотря на лютую фронтальную атаку или осторожный массаж тщеславия, сыр все-таки не падает из клюва, они становятся вялы и стремятся навестить упущенное на икре и цинцадали.

Словом, мы воздержались бы от прямого ответа на динозаврий вопрос. Святой отказ мы объяснили бы невозможностью делать заключение о целом по единичной частности. Из взятого примера вытекает, впрочем, что великаны выглядят в зависимости от обстановки. Они поперенуем лдебосовальны для друзей, и нет у них такого, чем они не поделились бы с кунаком. Они величавы с друзьями второго сорта, только без той высшей степени рогозатвья, когда через рот можно рассмотреть меню, скажем, утреннего завтрака; ошат показав, что это негигиенично. И, наконец, если долго мельтешить перед великаном и заставлял ему поле зрения неуважными тедодвижениями, он быстро утрачивает юмор и поступает с убывающим благодушем, что иногда бесповоротно повреждает здоровье неосторожного гостя.

Затем, бережно ушавова пальму, мы с добрыми пожеланиями верунали бы ее назад, в Дижон, непрасходованной.

Словом, медленность поглощения объясняется скорее неспособным поведением обраблемого, нежели апатичностью грабителя. Первая мировая война не была ли попыткой ускорить процесс «освоения», чтоб ра-

Рисунки И. СЕМЕНОВА

* Университетская академия наук и искусств основана в Дижоне (главном городе Бургундии) в 1790 году. Академия систематически объявляла конкурсы на различные сочинения о морали, нравах и т. д.

